

УДК 94(47).083

Е. В. Бурлуцкая (Банникова)
С. В. Филатова

Особенности костюма провинциального купечества XIX — начала XX века (на материалах губерний Южного Урала и Среднего Поволжья)

Работа на основе различного рода источников освещает стили и направления в одежде провинциального купечества XIX — начала XX в. Авторы обращают внимание на смысловую нагрузку различных элементов традиционного купеческого костюма как компонентов невербальной коммуникации горожан. Анализируя наиболее распространенные варианты купеческого внешнего облика, авторы предпринимают попытку объяснить некоторые особенности купеческого имиджа, специфику восприятия этого сословия другими стратами провинциального российского общества.

Ключевые слова: история повседневности, провинция, купечество, стиль, имидж, костюм, одежда.

Одежда относится к одной из ключевых имиджевых характеристик любого субъекта общественной жизни. Она выполняет функции символа социального статуса своего обладателя, сообщает ввне ряд черт своего владельца, к которым можно отнести статус, возраст, гендерные различия, ролевую модель ее носителя. Одновременно одежда сама как бы определяет форму поведения владельца, его потребности, двигательную и физическую активность, адаптацию в социуме и т.д. Исходя из этого обращение исследователей к костюму определенного сословия, конкретного региона страны, эпохи и т.д. позволяет осмыслить глубинные слои повседневности какой-то части социума.

Выделение особенностей купеческого костюма в качестве специального предмета исследования — примета преимущественно недавнего времени. В досоветской историографии описание наряда коммерсантов было вызвано скорее этнографическим интересом [22] либо служило примером «традиционности» российских негоциантов. В так называемых «физиологических очерках», к которым можно отнести сочинения П. Вистенгофа [8], Ф. Булгарина [6], М. И. Пыляева [24], были лишь выделены группы «старого» и «нового» купечества. Первые были радателями старины, вторые — последователями европейских (дворянско-чиновничьих) традиций в своем повседневном быту. М. И. Пыляев в очерке, посвященном жизни петербургского купечества, писал: «Дед нынешнего купца носил русское платье, ходил «при бороде», летом был в чуйке, зимою в шубе. <...> ...наследник его... сам облакался в особенный вариант европейской моды, об которой теперь едва сохранилось воспоминание: такой коммерсант носил длинный сюртук, вправляя брюки в сапоги, и брил бороду» [24, с. 340].

В статье Е. Корша [16] подчеркивалось крестьянское происхождение большей части купцов, а также их приверженность старообрядчеству. Вследствие этого, по мнению автора, «внешние формы быта» купечества «устойчиво сохраняли» крестьянские и старообрядческие черты.

В современной отечественной исторической науке культура повседневной одежды превратилась в специфический предмет исследования в рамках истории повседневности, позволяющий выделить сословные (региональные, хронологические и пр.) культурные стереотипы, а значит, приблизиться к пониманию культурного кода и ментальности изучаемого субъекта повседневности. С середины 2000-х годов начали появляться публикации, в которых трансформация русского купеческого костюма рассматривалась через призму изменений сословного менталитета и социальной самоидентификации [3; 4; 9; 34; 30].

© Бурлуцкая (Банникова) Е. В., Филатова С. В., 2017

Стиль в одежде российского провинциального купца формировался двумя путями. С одной стороны, купечество, пополняемое за счет крестьянства, длительное время, особенно в дореформенный период, сохраняло приверженность к традиционному крестьянскому платью (отличительной чертой купеческого костюма являлась более дорогая ткань; крестьяне носили преимущественно самотканую одежду). Эта тенденция также наблюдалась и у тех торговцев, кто был связан с деревней уже не происхождением, а деятельностью. С другой стороны, купечество, как часть городской субкультуры, должно было одеваться соответственно городской моде и, главное, соответственно своему статусу — профессиональному и социальному. Здесь также прослеживалось несколько направлений.

По словам Т. О. Волобуевой, трансформации купеческого костюма во второй половине XIX — начале XX в. «обуславливались эволюцией сословия от купечества старой закваски к новорусскому предпринимательскому сообществу» [9, с. 65]. Раздвоенность купеческого культурного стереотипа на «традиционный» и «европеизированный» в указанный временной период получила отражение во многих публикациях, в том числе и в художественной литературе (пьесы А. Н. Островского, роман М. Горького «Фома Гордеев» и пр.). Этому же феномену посвящена специальная статья А. А. Суичимез [31].

Хотя приверженность к традиционной одежде была более свойственна представителям купечества дореформенной России, эта тенденция сохранялась и в пореформенный период. В частности, пензенский купец Н. Т. Евстифеев, по описанию 1913 года, одевался «в старомодный сюртук, застегнутый на все пуговицы до ворота», и носил узкую седую бороду [21, с. 442]. Купец Л. С. Казеев, владелец одной из крупнейших суконных фабрик Пензенской губернии, тоже одевался просто. К. С. Кулагин, конторский служащий Золотаревской фабрики, писал о Казееве: «Летом на нем был серый или темно-синий костюм, зимой — шуба на беличьем меху с хорошим каракулевым воротником» [28, с. 59]. Скромная практичная одежда должна была сказать окружающим о том, что ее обладатель знает цену деньгам, не мот и не транжира.

К тому же, по мнению Т. О. Волобуевой, «род деятельности купцов больше влиял на платье и на манеру одеваться, чем состояние. К примеру, даже небогатый торговец модными товарами выглядел в большей степени по-европейски, чем более состоятельный бакалейщик» [9, с. 66]. Учитывая, что Пензенская и Оренбургская губернии, определяющие территориальные рамки настоящего исследования, были регионами аграрными и купечество торговало преимущественно продуктами сельского хозяйства, пристрастие местных коммерсантов к традиционной одежде предстает вполне объяснимым явлением. Один из журналистов начала XX века откровенно писал о том, что «Оренбург является типическим примером земледельческого города, если так можно выразиться. “Урожай” — пока единственный импульс жизни города, им регулируются все прочие потребности» [29, с. 111].

Цвет купеческой одежды, как правило, был темным — серым, черным, темно-синим. Читаем у Н. А. Некрасова в стихотворении «Железная дорога»: «В синем кафтане — почтенный лабазник, // Толстый, присадистый, красный, как медь...». Такое пристрастие коммерсантов к определенной цветовой гамме имело как функциональное, так и психологическое объяснение. Цвет рабочего костюма, несомненно, зависел от свойств, которые должны были быть присущи профессиональным занятиям купца. На протяжении веков свойства, приписываемые цвету, использовались в окраске одежды с целью приучить ее носителей к определенному поведению, принятому в обществе. Немаркие цвета в данном случае позволяли торговцу выглядеть опрятно даже в дороге, скрывали изъяны покроя, указывали на высокий статус, серьезность, сдержанность и ответствен-

ность носителя одежды. Они к тому же создавали некую «дистанцию»: человек в платье таких цветов выглядел более властно и неприступно [4].

Длина одежды также имела свой смысл. Практически во всех документах, в которых встречаются упоминания о мужском купеческом костюме, подчеркивается, что это «длиннополый купеческий кафтан», «длинный черный сюртук». Даже купцы-щеголи, заказывая себе модное платье, «пускали его подлинней», потому что по народным понятиям «куцая» одежда смешна, а долгополая придает степенность и достоинство [26, вып. 1, с. 23; вып. 2, с. 25].

В итоге купеческий повседневный костюм — закрытый, темный, традиционный и функциональный — заявлял социуму, что его владельцем является человек зрелый, авторитетный, прагматичный, привыкший к порядку. В то же время названная форма одежды определенным образом влияла и на самого предпринимателя. Закрытая одежда темных цветов существенно ограничивала степень внутренней свободы человека. Она формировала в коммерсанта ощущение того, что он является частью сообщества, корпорации, заставляла подчиняться ее внутренним правилам и ритуалам. Известный специалист по истории русского костюма Р. М. Кирсанова писала, что даже в начале XX века «старинная сибирка [длиннополый утепленный сюртук. — *Е. Б., С. Ф.*] или чуйка [суконный длинный кафтан без воротника. — *Е. Б., С. Ф.*] служили “миллионщикам” средством эпатажа, нарочито выражающим стремление подчеркнуть свою сословную принадлежность» [14, с. 254].

Для некоторых предпринимателей пристрастие к традиционной купеческой одежде действительно было специфическим выражением корпоративного духа, гордости за свое сословное происхождение, способом подчеркнуть свою принадлежность к купеческому сословию. И. А. Кононов, купец-миллионер, содержатель питейных откупов в Пензенской губернии, по воспоминаниям современника, «одевался в длинный купеческий сюртук, брюки, заправленные в высокие купеческие сапоги, шелковую косынку и двухбортный, черного сукна, жилет» [20, с. 192]. Все это было сделано у лучшего портного. Далее автор отмечал, что в своей жизни знал только двоих, которые умели с достоинством носить купеческий костюм, — это И. А. Кононов и Петр Ионович Губонин. По словам другого автора, П. И. Губонин, «которого знала не только вся Россия, но и вся финансовая Европа, строитель самых больших железных дорог в России, статский советник, никогда не носил, даже представляясь государю, другого костюма, как длиннополый купеческий кафтан, что, кстати сказать, придавало ему какое-то спокойное достоинство, составлявшее приятный контраст с теми его прихлебателями, которые были всегда одеты по последней моде и от самых дорогих портных...» [12, с. 680].

Однако консерватизм в одежде купца иногда доходил до абсурда. Например, И. Г. Миронов, самый богатый купец в Мокшане [Мокшан — уездный город Пензенской губернии. — *Е. Б., С. Ф.*], в своей лавочке «зимой и летом сидел в засаленной поддевке и шапке, менялась только обувь, на сапоги летом и валенки зимой». А на Рождество, когда к нему в дом приходили дети «славить Христа», он встречал их, одетый каждый год одинаково: «...синяя или коричневая до колен рубаха..., на ногах черные, чертовой кожи, штаны, заправленные в большие, выше колен, валенки» [19, с. 96—97]. Уже упоминавшийся Л. С. Казеев любил «свободную обувь. Ботинки и галоши были всегда на два размера больше, чем требовалось. “Чтоб не портить нервы”, — объяснял он свое несколько странноватое пристрастие» [28, с. 59].

Подобную любовь коммерсантов к привычной, милой сердцу одежде нередко отмечали и в художественной литературе. Например, в повести А. С. Ушакова «Тарыкины» купец Василий Иванович Тарыкин, глава семейства, «худой, высокий старик, с желтым

угрюмым лицом», носит синий, «истасканный, покрытый черными мерлушками сюртук» [33, с. 32]. В повести «Барин и купец» того же автора купец Викул Петрович Жихарев, «гуртовой торговец сахарный и чайный, и с капиталом человек», одет был «очень скромно: черный, не слишком тонкого сукна сюртук его, немного подлиннее колен, был довольно уже поношен, даже лоснился местами...» [33, с. 177]. Одежда «истасканная», «поношенная» была признаком бережливости, рачительности, скромности в личных расходах. Эти личностные качества воспринимались в купеческой среде как необходимые составляющие образа идеального предпринимателя.

Причем неказистый внешний вид могли иметь не только купцы-мужчины, но и их супруги. Вообще женщины в купеческих семьях одевались так, как от них того требовали мужья. В той же повести А. С. Ушакова Екатерина Алексеевна Тарыкина, женщина «небольшого роста», «лет под пятьдесят, съезжившаяся, опустившаяся», под стать мужу, ходит «в темном платке, в меховой, опушенной белкой кацавейке [кацавейка — короткая куртка или кофта. — Е. Б., С. Ф.] и в большом чепце с мелкими оборками» [33, с. 32]. Чепец в основном пользовался популярностью в первой половине XIX века, являясь обязательной деталью утреннего домашнего костюма, элементом костюма замужней женщины. Его ношение в пореформенный период было признаком глубокой провинциальности, отсутствия интереса к моде. Одежда темных цветов для представительниц купеческого сословия также была характерна и должна была подчеркнуть смирение супруги перед мужем, ее «незаметность» в доме.

Многие коммерсанты — выходцы из крестьянской или мещанской среды, заработавшие первоначальный капитал собственными потом и кровью, жили по принципу «копейка рубль бережет», отказывая себе в любых излишествах, под которыми часто понимались элементарные удобства. Они прекрасно помнили, как в детстве ходили «в простой рубашонке, часто без сапог» [33, с. 187], как в доме все было «просто», как обедали только по праздникам и воскресеньям. Образ жизни таких купцов мало отличался от крестьянского, почти крестьянским был и быт. С детских лет в будущих предпринимателях формировалась привычка к умеренности в быту и неприязнательности в повседневной одежде. Торговое дело, сопряженное с высокой степенью риска и минимальной нормой прибыли (как правило, 8—10%), также естественным образом способствовало формированию в купеческой среде склонности к расточительству. Основной капитал направлялся в торговлю и производство. В итоге разумная бережливость без скупости, богатство без расточительности, без роскоши, чтоб напрасно ничего не пропадало, были крайне актуальны.

Простота была одним из любимых качеств, которыми дорожили в купеческой среде и которые всегда подчеркивались знатоками и исследователями купеческого быта. Так, описывая в повести «Барин и купец» Петра Николаевича Чургина — предпринимателя, родившегося в сибирской купеческой семье, получившего образование в Петербурге и несколько лет прожившего в Англии, А. С. Ушаков отмечает, что одет он был «очень просто без всяких претензий». Как несомненное достоинство писатель подчеркивал, что в нем «не было ничего принужденного, натянутого, неестественного, заимствованного» [33, с. 231—232]. Простота означала разумное ограничение потребностей, сдержанность в поведении, прямодушие. Простота, как качество личности, кротость, скромность, одобрялась и церковными деятелями. Преподобный Амвросий Оптинский в своих сочинениях писал: «...ценна же истинная простота душевная, которая есть мать веры, и смирения, и нелицемерной любви» [23]. Упомянутый выше И. А. Кононов, по воспоминаниям современников, всегда держал себя «просто, но с достоинством, был

у всех в уважении, не за то, что был миллионер, а за свой ум, сердечность, добрые дела и радушие» [20, с. 192].

Совершенно иным могло быть представление о приличествующей обстоятельствам одежде у молодого купеческого отпрыска, состоятельного и амбициозного, не имеющего собственного опыта продвижения вверх по социальной лестнице. Вот, например, характеристика Михаила Плошкина, сына московского купца, гостившего в 1908 г. в Пензе в семье невесты: «Завитой барашком, с галстуком одного цвета со щеками, в крахмальной манишке и с огромным аметистом на указательном пальце предстал... счастливый жених. Держал и вел себя, по собственному выражению, “высоко культурно”» [17, с. 51—52].

Речь здесь идет о столичном коммерсante, однако и провинциальное богатое купечество могло позволить себе предстать перед городским обществом в образе вполне аристократичном. Так, например, купец Н. Д. Манухин, владелец крупнейших металлургических предприятий на территории Краснослободского уезда Пензенской губернии, «был крайне благообразный старичок: седенький, чисто выбритый и всегда изящно одетый. Он был купец, но ничего купеческого в нем не было, а напротив, выглядывал баринном лучше иного барина» [27, с. 155]. Это было связано с тем, что Николай Дмитриевич, добившись несомненного успеха в бизнесе, в 1846 г. получил личное дворянство. Быт же и образ жизни Манухиных давно напоминали помещичий [2, с. 37].

Судя по мнению Льва Николаевича Толстого, оренбургские богатейшие предприниматели тоже выглядели очень современно. Во время своего путешествия по Волге из Казани 5 сентября 1876 г. Лев Николаевич писал жене: «Поездка по Волге до сих пор имела мало приятного — теснота и купеческое общество. Впрочем, я нашел несколько интересных и даже очень интересных людей, в том числе купца Деева, владельца 100 тысяч дес[ятин] земли, с кот[орым] я теперь сижу в номере...» [32, с. 227].

Жены и дочери купцов, в отличие от многих купцов-мужчин, одевались подчеркнуто богато и нарядно. Пензенский купец А. П. Кузнецов в мемуарах писал: «Мать моя Наталья Александровна... любила и театры, и концерты, любила хорошо одеваться, и портниха и белошвейка были вечными нашими посетительницами» [18, с. 74]. Выход в свет был прекрасной возможностью продемонстрировать вкус и финансовую состоятельность дамы купеческого сословия. Модный дорогой наряд шился в основном для показа, демонстрации окружающим. Когда в доме деда мемуариста состоялся большой парадный вечер, молодые дамы были почти все в бальных платьях — розовых, голубых, белых, с дорогими украшениями, завитые, «раздушенные». Только «старушки купчихи не изменили и явились... в темных платьях и косыночках» [18, с. 123, 125]. М. И. Иванисов, пензенский купец и «поэт-самоучка», жаловался на плохой торг по причине того, что купеческие жены являлись на ярмарку лишь затем, чтобы «Свои кольца показать, // На руках в пять ряд надетых, // На грудях различных брошь, // В чем обутих, в чем одетых...» [13, с. 21]. Обилие ювелирных украшений, излишняя отделка платья, как правило, выдавали купчих, даже если они были одеты в элегантный модный костюм. К любым нарядам щедро добавлялись банты, бахрома, кружева, одновременно надевались жемчуга, бриллианты, многоцветные перстни.

Выглядеть роскошно, стильно, модно стремились не только купеческие половины, но и дамы, самостоятельно осуществлявшие предпринимательскую деятельность. Особенно эта тенденция проявилась на рубеже XIX—XX вв. Так, писатель А. М. Ремизов, представитель знаменитых московских купеческих династий Ремизовых и Найденовых, будучи в ссылке в Пензе, свел знакомство с В. С. Сергеевой, хозяйкой крупнейшей в регионе писчебумажной фабрики. Купчиха, несомненно, произвела впечатление на московского гостя: «это была лесковская дама, вся в бриллиантах, и глаза ее сверкали камнем, ее

взрослые дети, сыновья и дочь, могли бы назвать ее не матерью, а сестрой» [25, с. 176]. О. А. Черноусова, владелица дорогого винно-гастрономического магазина в Симбирске, «всеим своим видом располагала к себе покупателей» — одевалась скромно, но изящно, «держалась с достоинством» [10, л. 112].

Пристальное внимание купчих к своему внешнему виду, особенно если они самостоятельно занимались ведением дел, было профессиональной необходимостью. В России довольно часто новых людей «встречали по одежке». Одежда должна была выполнять функции парадного внешнего представительства: демонстрировать окружающим социальный статус, степень финансовой состоятельности и уровень просвещенности чело- века. Одетая в соответствии с модными тенденциями, хорошо выглядящая моложавая купчиха имела гораздо больше шансов заключить выгодные соглашения с коммерчески- ми партнерами. Если она при этом была, к примеру, вдовой, ухоженный внешний вид позволял надеяться и на выгодную брачную партию.

Стиль одежды купеческих половин и дочерей отражал их главное стремление — показать всем свое внешнее благополучие. Кардинальное различие женского и мужского купеческого костюма являлось своеобразным выражением гендерного противостояния в купеческой среде. Два пола рассматривались как различные и неравные. Купеческие «половины» в итоге выполняли абсолютно иную имиджевую задачу. Они должны были показать обществу, что муж — человек состоятельный, может позволить себе потратить немалые суммы на, в общем-то, откровенно ненужные, хотя и дорогие вещи.

При этом подчеркнем, что вложения в нарядный, дорогой костюм являлись весьма долгосрочной инвестицией. Мокшанский купец В. П. Быстренин так описывает платья 1870-х гг.: «Наряды... переходили не только от родителей к детям, но и от дедов к вну- кам: все ведь было такое неизносное. Я прекрасно помню, как моя бабушка по праздни- кам с особою гордостью наряжалась в «маменькино» штофное, стоящее лубком платье, как она мечтала передать его младшей дочери, бывшей тогда еще невестой... О белье и говорить нечего: эти предметы обслуживали обыкновенно три-четыре поколения, равно как и мелкие принадлежности туалета — кружева, вышитые ленты и драгоценные укра- шения из золота и серебра» [7, с. 50].

В духовных грамотах купцов в перечне наследуемого имущества, как правило, упо- минается также верхняя одежда — шубы, кафтаны и т.д. [11, л. 67]. Добротность матери- алов, из которых шилась одежда, соответствовала представлениям купцов об устойчивых социальных нормах, традициях, на которых строилось общество. Платье, как и обычаи, могли сохраняться в обиходе долгое время. В пьесе А. Н. Островского «Не все коту мас- леница» купец Ермила Ахов с печалью вопрошает: «Куда они делись, те порядки, ста- рые, крепкие?». Д. Н. Мамин-Сибиряк в романе «Приваловские миллионы» устами жены уральского золотопромышленника В. Н. Бахарева, Марьи Степановны, озвучивает ту же мысль: «Нынче ваши дамы сошьют платье, два раза наденут — и подавай новое. Мате- рии другие пошли, и люди не такие, как прежде». Мода в купеческой повседневности даже в конце XIX века не рассматривалась в качестве значимого ориентира образа жизни. Напротив, в почете была приверженность старине, «старомодность». Особенно ярко это было заметно в провинции. Интересное высказывание о моде оставил сибирский купец И. С. Конюхов, по мнению которого, «мода и дурь — две сестры родные» [15, с. 60].

На одежду купцов, по мнению Т. О. Волобуевой, оказывали сильное влияние и «ко- стюмные особенности города». Особенно ярко эти особенности демонстрировали себя в Оренбурге — центре полиэтничной и многоконфессиональной губернии, расположенной на границе с Азией. В работе А. Алекторова подчеркивалось, что «Оренбург — скорее азиатский, нежели европейский город. Русское население его, в летнее время особен-

но, теряется в разношерстном сброде народов Азии — киргиз, татар, башкир, хивинцев, бухарцев, в меньшинстве проживающих в Оренбурге постоянно и в большинстве наезжающих в него летом с среднеазиатскими товарами. <...> Это обилие разнообразных азиатских типов, пестрота и оригинальность азиатских костюмов... представляет весьма любопытное и подчас курьезное зрелище для приезжающих в Оренбург из внутренних местностей России» [1, с. 120—121]. В результате тесного общения на оренбургских рынках представителей самых разных этносов и конфессий традиционные для азиатов элементы одежды — халаты, тюбетейки — нередко становились предметами повседневного костюма оренбургских коммерсантов.

В определенной степени эта ситуация была характерна и для губерний Среднего Поволжья, где коммерсанты татарской национальности традиционно играли весьма значимую роль. Кроме того, в конце XIX — начале XX века в связи с расширением железнодорожной сети и усилением миграционных потоков в регион активно проникали предприниматели из Азии [5].

Таким образом, внешний вид, одежда купца определялась множеством факторов, важнейшими из которых были род занятий, достаток, происхождение и личные вкусы, пристрастия, особенности самоидентификации. Данные обстоятельства объясняют своеобразную эклектику купеческого костюма — крестьянские и мещанские мотивы, следование дворянской моде. В торжественных случаях купец мог облачиться в европейский костюм, а в обыденной, рабочей обстановке отдавал предпочтение простой, удобной и немаркой одежде. Однако две тенденции — традиционность и практичность — сохраняли свои позиции на протяжении всего исследуемого периода.

Список использованных источников и литературы

1. Алекторов А. История Оренбургской губернии. 2-е изд. Оренбург : Тип. Б. Бреслина, 1883. 1 рулон.
2. Арсентьев В. М. Манухины: опыт реализации предпринимательской функции в условиях российской провинции XIX в. // Экономическая история. 2014. № 4 (27). С. 32—43.
3. Банникова Е. В. «Купеческий стиль» (представления о моде в среде уральского купечества первой половины XIX в.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2008. № 4 (14). С. 105—117.
4. Банникова Е. В. Атрибуты успешности в купеческой среде дореформенной России // Символическое и архетипическое в культуре и социальных отношениях : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. 5—6 марта 2013 г. Прага : Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2013. С. 121—126.
5. Базарные типы // Пензенские губернские ведомости. 1908. № 199.
6. Булгарин Ф. Очерки русских нравов. Лицевая сторона и изнанка рода человеческого. СПб. : Тип. Э. Праца, 1843. 98 с.
7. Быстрин В. П. «Уходящее» (Силуэты) // Голос минувшего. 1922. № 1. С. 31—50.
8. Вистенгоф П. Очерки московской жизни. М. : Тип. С. Селивановского, 1842. 210 с.
9. Волобуева Т. О. Русский купеческий костюм второй половины XIX — начала XX века // Преподавание истории в школе. 2009. № 10. С. 65—69.
10. Государственный архив Ульяновской области. Ф. Р-4061. Оп. 1. Д. 313.
11. Государственный архив Пензенской области. Ф. 154. Оп. 1. Д. 31.
12. Еленский О. Мысли и воспоминания поляка // Русская старина. 1906. Т. 127, № 9. С. 670—714.
13. Иванисов М. И. Пенза. Поэтическое описание города в 60—70-е гг. XIX века и сатирические очерки купеческого быта (жизнь маленькой великорусской провинции). Киев : Тип. И. И. Врублевского и Т. В. Озерова, Львовская 10, 1908. (Репринт. изд. / авт.-сост. А. Н. Филимонов. Пенза : [Б. и.], 1997. 96 с.)
14. Кирсанова Р. М. Костюм в русской художественной культуре XVIII — первой половины XX в. Опыт энциклопедии. М. : Большая Российская энциклопедия, 1995. 383 с.
15. Конюхов И. С. Кузнецкая летопись. Новокузнецк : Кузнецкая крепость, 1995. 78 с.
16. Корш Е. Быт купечества и мещанства // Государственный исторический музей. Из эпохи крепостного хозяйства XVIII и XIX вв. М. : ГИМ, 1926. С. 23—34.

17. Кошко А. Ф. Гнусное преступление // Очерки уголовного мира царской России. М. : Директ-Медиа, 2014. Т. 2. С. 50—79.
18. Кузнецов А. П. Моя родословная. Неоконченные воспоминания // Земство: Архив провинциальной истории России. Пенза, 1995. № 3. С. 67—163.
19. Лихачев Ю. Ф. «...Исповедь моей души». Воспоминания о прожитом и пережитом обыкновенного человека. Из фонда коллекций Государственного архива Пензенской области // Земство: Архив провинциальной истории России. Пенза, 1995. № 4. С. 80—191.
20. Медведев П. М. Воспоминания // Пензенский край в мемуарах, художественной литературе и исследованиях : антология. М. : Новые решения, 2014. Т. 3. С. 189—195.
21. Орлов Н. А. Пенза в новом потоке жизни. 1968 г. // Тюстин А. В. Во благо Отечества: из истории предпринимательства Пензенской губернии. М. : Дарин, 2004. С. 440—443.
22. Попов Н. С. Хозяйственное описание Пермской губернии сообразно начертанию С.-Петербургского Вольного экономического общества, сочиненное в 1802 и 1803 году в Перми : в 2 ч. Пермь : Тип. губернского правления, 1804. Ч. 1. 399 с.; Ч. 2. 400 с.
23. Простота // Симфония по творениям преподобного Амвросия, старца Оптинского. М. : ДАРЪ, 2007. С. 236—237.
24. Пыляев М. И. Старый Петербург. Рассказы из былой жизни столицы. СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1889. 429 с.
25. Ремизов А. М. Иверень (фрагменты) // Пензенский край в мемуарах, художественной литературе и исследованиях : антология. М. : Новые решения, 2016. Т. 6. С. 151—187.
26. Русский костюм 1750—1917: материалы для сценических постановок русской драматургии от Фонвизина до Горького : в 5 вып. М. : Всерос. театральное общество, 1960—1972.
27. Салов И. А. Умчавшиеся годы // Пензенский край в мемуарах, художественной литературе и исследованиях : антология. М. : Новые решения, 2014. Т. 1. С. 151—178.
28. Семенов В. Б. «Суконной фабрики дымы...» // Краеведение. Пенза, 1999. № 2 (007). С. 56—74.
29. Столянский П. Н. Город Оренбург. Материалы к истории и топографии города. Оренбург : Оренбургская губ. типография, 1908. 399 с.
30. Судакова О. Н. Культура повседневности в купеческом женском костюме // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Сер. 2: Искусствоведение. Филологические науки. 2014. № 4. С. 3—9.
31. Суичимез А. А. Костюм как компонент социокультурного портрета в пьесе А. Н. Островского «Свои люди — сочтемся!» // Вісник Житомирського державного університету імені Івана Франка. 2014. № 2 (74). С. 281—284.
32. Толстой Л. Н. Письмо № 115 // Полное собрание сочинений. М. : Гос. изд-во «Художественная литература», 1938. Т. 83. Письма к С. А. Толстой. 1862—1886. С. 227—228.
33. Ушаков А. С. Из купеческого быта: Повести и очерки. М. : А. Черенин и Ко, 1862. 255 с.
34. Шапиро Б. Л. Городской образ жизни и культура повседневной одежды: исторические особенности второй половины XIX — начала XX в. // Вестник Екатеринбургского института. 2011. № 4. С. 149—155.

Поступила в редакцию 19.04.2017

Бурлуцкая (Банникова) Елена Вадимовна, доктор исторических наук, доцент
Оренбургский государственный педагогический университет
Российская Федерация, 460014, г. Оренбург, ул. Советская, 19
E-mail: ida777@yandex.ru

Филатова Светлана Владимировна, кандидат исторических наук, доцент
Пензенский государственный технологический университет
Российская Федерация, 440039, г. Пенза, проезд Байдукова / ул. Гагарина, 1а / 11
E-mail: col4uginasvetlana@yandex.ru

UDC 94(47).083

E. V. Burlutskaya (Bannikova)**S. V. Filatova****Characteristics of provincial merchant costume in the 19th century and early 20th century (based on material of the South Urals and the Middle Volga region)**

The article describes styles and trends of provincial merchant clothes in the 19th century and early 20th century according to information from various sources. The authors focus on the meaning of various elements of the traditional merchant costume in their role as the components of non-verbal communication between townspeople. With the analysis of the most common variants of the merchant's appearance the authors attempt to explain some features of the merchant image and how specifically was this estate perceived by other strata of provincial Russian society.

Key words: everyday history, province, merchants, style, image, costume, clothes.

Burlutskaya (Bannikova) Elena Vadimovna, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor
Orenburg State Pedagogical University
Russian Federation, 460014, Orenburg, ul. Sovetskaya, 19
E-mail: ida777@yandex.ru

Filatova Svetlana Vladimirovna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
Penza State Tehnological University
Russian Federation, 440039, Penza, proezd Baydukova, / ul. Gagarina, 1a/11
E-mail: col4uginasvetlana@yandex.ru

References

1. Alektorov A. *Istoriya Orenburgskoi gubernii. 2-e izd.* [History of the Orenburg province. 2 nd ed.]. Orenburg, Tip. B. Breslina Publ., 1883. (In Russian)
2. Arsent'ev V. M. Manukhiny: opyt realizatsii predprinimatel'skoi funktsii v usloviyakh rossiiskoi provintsii XIX v. [The Manukhins: the experience of implementing entrepreneurial functions in the Russian provinces of the XIX century]. *Ekonomicheskaya istoriya*, 2014, no. 4 (27), pp. 32—43. (In Russian)
3. Bannikova E. V. «Kupecheskii stil'» (predstavleniya o mode v srede ural'skogo kupechestva pervoi poloviny XIX v.) ["Merchant style" (ideas of fashion among the Urals merchants of the first half of the XIX century)]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii*, 2008, no. 4 (14), pp. 105—117. (In Russian)
4. Bannikova E. V. Atributy uspekhov v kupecheskoi srede doreformennoi Rossii [Attributes of success in the merchant environment of pre-reform Russia]. *Simvolicheskoe i arkhetylichesкое v kul'ture i sotsial'nykh otnosheniyakh : materialy III Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. 5—6 marta 2013 g.* [Symbolic and archetypal in culture and social relations: materials of the III Intern. Scientific-practical conf., 5—6 March 2013]. Praha, Vědecko vydavatelské centrum "Sociosféra-CZ" Publ., 2013, pp. 121—126. (In Russian)
5. Bazarnye tipy [Bazaar types]. *Penzenskie gubernskie vedomosti*, 1908, no. 199. (In Russian)
6. Bulgarin F. *Ocherki russkikh nraov. Litsevaya storona i iznanka roda chelovecheskogo* [Essays on Russian customs. The face and underside of the human race]. St. Petersburg, Tip. E. Pratsa Publ., 1843. 98 p. (In Russian)
7. Bystrenin V. P. «Ukhodyashchee» (Siluety) ["The leaving" (Silhouettes)]. *Golos minuvshogo*, 1922, no. 1, pp. 31—50. (In Russian)
8. Vistengof P. *Ocherki moskovskoi zhizni* [Essays on Moscow Life]. Moscow, Tip. S. Selivanovskogo Publ., 1842. 210 p. (In Russian)
9. Volobueva T. O. Russkii kupecheskii kostyum vtoroi poloviny XIX — nachala XX veka [Russian Merchant Costume of the Second Half of the 19th — Early 20th Century]. *Prepodavanie istorii v shkole*, 2009, no. 10, pp. 65—69. (In Russian)
10. *Gosudarstvennyi arkhiv Ul'yanovskoi oblasti* [State Archives of the Ulyanovsk Region]. F. R-4061. Op. 1. D. 313.
11. *Gosudarstvennyi arkhiv Penzenskoi oblasti* [State Archives of the Penza Region]. F. 154. Op. 1. D. 31.

12. Elenskii O. Mysli i vospominaniya polyaka [Thoughts and memories of a Pole]. *Russkaya starina*, 1906, vol. 127, no. 9, pp. 670—714. (In Russian)
13. Ivanisov M. I. *Penza. Poeticheskoe opisaniye goroda v 60—70-e gg. XIX veka i satiricheskie ocherki kupecheskogo byta (zhizn' malen'koi velikorusskoi provintsii)* [Penza. Poetic description of the city in the 60—70s. XIX century and satirical essays of merchant life (the life of a small Great Russian province)]. Kiev, Tip. I. I. Vrublevskago i T. V. Ozerova, L'vovskaya 10 Publ., 1908. (Reprint. izd. Penza, 1997. 96 p.) (In Russian)
14. Kirsanova R. M. *Kostyum v russkoi khudozhestvennoi kul'ture XVIII — pervoi poloviny XX v. Opyt entsiklopedii* [Costume in the Russian art culture of the XVIII — first half of the XX century. Encyclopedia Experience]. Moscow, Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya Publ., 1995. 383 p. (In Russian)
15. Konyukhov I. S. *Kuznetskaya letopis'* [Kuznetsk Chronicle]. Novokuznetsk, Kuznetskaya krepost' Publ., 1995. 78 p. (In Russian)
16. Korsh E. Byt kupechestva i meshchanstva [Life of merchants and philistinism]. *Gosudarstvennyi istoricheskii muzei. Iz epokhi krepostnogo khozyaistva XVIII i XIX vv.* [State Historical Museum. From the era of serfdom XVIII and XIX centuries]. Moscow, GIM Publ., 1926, pp. 23—34. (In Russian)
17. Koshko A. F. Gnusnoe prestuplenie [A heinous crime]. *Ocherki ugolovnogo mira tsarskoi Rossii* [Essays of the criminal world of tsarist Russia]. Moscow, Direkt-Media Publ., 2014, vol. 2, pp. 50—79. (In Russian)
18. Kuznetsov A. P. Moya rodoslovnaya. Neokonchennyye vospominaniya [My genealogy. Unfinished memories]. *Zemstvo: Arkhiv provintsial'noi istorii Rossii. Penza*, 1995, no. 3, pp. 67—163. (In Russian)
19. Likhachev Yu. F. «...Isповед' moei dushi». Vospominaniya o prozhitom i perezhitom obyknovennogo cheloveka. Iz fonda kollektzii Gosudarstvennogo arkhiva Penzenskoi oblasti [“...Confession of my soul.” Memories of an experienced person. From the Collection of the State Archives of the Penza Region]. *Zemstvo: Arkhiv provintsial'noi istorii Rossii. Penza*, 1995, no. 4, pp. 80—191. (In Russian)
20. Medvedev P. M. Vospominaniya [Memoirs]. *Penzenskii krai v memuarakh, khudozhestvennoi literature i issledovaniyakh: antologiya* [Penza region in memoirs, fiction and research: anthology]. Moscow, Novye resheniya Publ., 2014, vol. 3, pp. 189—195. (In Russian)
21. Orlov N. A. Penza v novom potoke zhizni. 1968 g. [Penza in a new stream of life. 1968]. Tyustin A. V. *Vo blago Otechestva: iz istorii predprinimatel'stva Penzenskoi gubernii* [For the benefit of the Fatherland: from the history of entrepreneurship of the Penza province]. Moscow, Darin Publ., 2004, pp. 440—443. (In Russian)
22. Popov N. S. *Khozyaistvennoye opisaniye Permskoi gubernii soobrazno nachertaniyu S.-Peterburgskogo Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva, sochinennoe v 1802 i 1803 godu v Permi: v 2 ch.* [Economic description of the Perm province in accordance with the inscription of the St. Petersburg Free Economic Society, compiled in 1802 and 1803 in Perm: in 2 parts] Perm', Tip. gubernskogo pravleniya Publ., 1804. Part 1. 399 p.; Part 2. 400 p. (In Russian)
23. Prostota [Simplicity]. *Simfoniya po tvoreniam prepodobnogo Amvroziya, startsa Optinskogo* [Symphony on the creations of the Monk Ambrose, the elder of Optina]. Moscow, DAR Publ., 2007, pp. 236—237. (In Russian)
24. Pylyaev M. I. *Staryi Peterburg. Rasskazy iz byloi zhizni stolitsy* [Old Petersburg. Stories from the former life of the capital]. St. Petersburg, Tip. A. S. Suvorina Publ., 1889. 429 p. (In Russian)
25. Remizov A. M. Iveren' (fragmenty) [Iveren (fragments)]. *Penzenskii krai v memuarakh, khudozhestvennoi literature i issledovaniyakh: antologiya* [Penza region in memoirs, fiction and studies: anthology]. Moscow, Novye resheniya Publ., 2016. Vol. 6, pp. 151—187. (In Russian)
26. *Russkii kostyum 1750—1917: materialy dlya stsenedicheskikh postanovok russkoi dramaturgii ot Fonvizina do Gor'kogo: v 5 vyp.* [Russian costume of 1750—1917: materials for scenic productions of Russian dramaturgy from Fonvizin to Gorky: in 5 is.]. Moscow, Vseros. teatral'noye obshchestvo Publ., 1960—1972. (In Russian)
27. Salov I. A. Umchavshiesya gody [Dying years]. *Penzenskii krai v memuarakh, khudozhestvennoi literature i issledovaniyakh: antologiya* [Penza region in memoirs, fiction and studies: anthology]. Moscow, Novye resheniya Publ., 2014. Vol. 1, pp. 151—178. (In Russian)
28. Semenov V. B. «Sukonnoi fabriki dymy...» [“Cloth factory smoke...”]. *Kraevedenie. Penza*, 1999, no. 2 (007), pp. 56—74. (In Russian)
29. Stolpyanskii P. N. *Gorod Orenburg. Materialy k istorii i topografii goroda* [Orenburg. Materials for the history and topography of the city]. Orenburg, Orenburgskaya gub. tipografiya Publ., 1908. 399 p. (In Russian)
30. Sudakova O. N. Kul'tura povsednevnosti v kupecheskom zhenskoy kostyume [Culture of everyday life in a merchant women's costume]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta tekhnologii i dizaina. Ser. 2: Iskusstvovedenie. Filologicheskie nauki*, 2014, no. 4, pp. 3—9. (In Russian)
31. Suichimez A. A. Kostyum kak komponent sotsiokul'turnogo portreta v p'ese A. N. Ostrovskogo «Svoi lyudi — sochtemsy!» [The costume as a component of the socio-cultural portrait in the play by A. N. Ostrovsky “It's a Family Affair — We'll Settle It Ourselves”]. *Visnik Zhitomirskogo derzhavnogo universitetu imeni Ivana Franka*, 2014, no. 2 (74), pp. 281—284. (In Russian)

32. Tolstoy L. N. Pis'mo № 115 [Letter No. 115]. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete works]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1938. Vol. 83. Pis'ma k S. A. Tolstoy. 1862—1886. P. 227—228. (In Russian)

33. Ushakov A. S. *Iz kupecheskogo byta: Povesti i ocherki* [From the merchant life: Tales and essays]. Moscow, A. Cherenin i Ko Publ., 1862. 255 p. (In Russian)

34. Shapiro B. L. Gorodskoi obraz zhizni i kul'tura povsednevnoi odezhdy: istoricheskie osobennosti vtoroi poloviny XIX — nachala XX v. [Urban lifestyle and culture of everyday clothing: historical features of the second half of the XIX — early XX century]. *Vestnik Ekaterininskogo instituta*, 2011, no. 4, pp. 149—155. (In Russian)